

Научная статья
УДК 342
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-105-112>

Михаил Вячеславович Пресняков

доктор юридических наук, доцент

<http://orcid.org/0000-0001-8757-6392>, M.V.Presnyakov@yandex.ru

*Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Московская, д. 164 в/г № 2*

*Саратовская государственная юридическая академия
Российская Федерация, 410056, Саратов, ул. Вольская, д. 1*

Место науки конституционного права в системе юридического знания: преодоление границ формальной науки

Аннотация: Введение. Статья посвящена исследованию роли современного конституционного права в системе отраслевых юридических наук. Автор отмечает, что юриспруденция в целом является формальной наукой, предмет которой составляют формальные системы, которые, во многом, постулируются ею самой – конкретные отрасли права. До определенного времени (образования Конституционного Суда Российской Федерации и принятия новой Конституции Российской Федерации) государственное право также можно было считать отраслевой наукой, предметом которой являлась, преимущественно система организации государственной власти. Между тем, в отличие от математики (которая тоже является формальной наукой), юриспруденция обладает регулятивным потенциалом и связана с воздействием на поведение человека. В этом смысле она не может капсулироваться исключительно в системе юридических конструкций вне связи с «жизненным миром». **Методы исследования.** В работе применялся комплекс методов: анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход, метод сравнительного правоведения. **Результаты.** Автор доказывает, что особая роль науки конституционного права на современном этапе развития заключается в том, что, с одной стороны, благодаря процессам конституционализации иных отраслей права конституционное право претендует на роль общеотраслевой системы. В известном смысле наука конституционного права постепенно занимает в юридической гносеологии место теории права.

Ключевые слова: юриспруденция, формальная наука, теория права, догма права, философия права, жизненный мир, конституционное право, государственное право, конституционализм

Для цитирования: Пресняков М. В. Место науки конституционного права в системе юридического знания: преодоление границ формальной науки // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 105–112; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-105-112>.

Original article

Mikhail V. Presnyakov

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

<http://orcid.org/0000-0001-8757-6392>, M.V.Presnyakov@yandex.ru

*Volga Institute of Management named after P. A. Stolypin –
a branch of the Russian Academy of National Economy and State Service
under the President of the Russian Federation
164 v/g № 2, Moskovskaya str., Saratov, 410012, Russian Federation*

*Saratov State Law Academy
1, Vol'skaya str., Saratov, 410056, Russian Federation*

Place of the science of constitutional law in the system of legal knowledge: overcoming the boundaries of formal science

Аннотация: Introduction. The article is devoted to the study of the role of modern constitutional law in the system of sectoral legal sciences. The author notes that jurisprudence in general is a formal science, the subject of which are formal systems, which, mainly, it postulates itself - specific branches of law. Until a certain period (the formation of the Constitutional Court of the Russian Federation and the adoption of the new Constitution of the Russian Federation) state law could also be considered as a sectoral science, the subject of which was mostly the system of state power organisation. However, unlike mathematics (which is also a formal science), jurisprudence possesses regulatory potential and relates to the impact on human behavior. In this way it cannot be encapsulated exclusively in the system of legal constructions outside the «life world». **Research methods.** A set of methods was used in the work: analysis and synthesis, induction and deduction, dialectical approach, method of comparative jurisprudence. **Results.** The author proves that the special role of constitutional law in the modern stage of development is that, on the one hand, through processes of constitutionalisation of other branches of law constitutional law claims to be a general system. In a certain sense, the science of constitutional law is gradually taking the place of theory of law in legal epistemology.

Keywords: jurisprudence, formal science, theory of law, dogma of the right, philosophy of law, life world, constitutional law, state law, constitutionalism

For citation: Presnyakov M. V. Place of the science of constitutional law in the system of legal knowledge: overcoming the boundaries of formal science // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 105–112; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-105-112>.

Введение

1. Введение: юриспруденция как формальная наука

В чем специфика предмета юридической науки? Если говорить о системе естествонаучного знания, то его предметом выступают явления объективного мира: материя, поле, вещество и т. п. Таким образом, предмет исследования является внешним по отношению к системе научного знания объектом, а процесс познания предполагает определенное воздействие на этот предмет – опыты, измерения, наблюдение и т. п.

Предметом гуманитарного знания являются «человекообразные» объекты, т. е. являющиеся продуктом деятельности самого человека или общества: язык, социальное устройство, литературные произведения и т. п. Такие объекты, в отличие от естественных или природных, создаются самим человеком, но от этого не становятся имманентными знанию о них. Иначе говоря, несмотря на то, что история творится людьми, ее научное познание предполагает изучение извне, поиск объективных законов и причин событий.

Даже если мы будем говорить о тех областях научного знания, которые являются, на первый взгляд, максимально близкими к юридической науке и изучают действие социально-регулятивных систем, например, религиоведении, этике и др., то предмет изучения все равно остается внешним по отношению к самому познанию. Система религиозных или моральных установок не является результатом сознательного («научного») конструирования и для познающего субъекта выступает *terra ignota*.

Особняком стоят так называемые «формальные науки» (математика, логика, информатика и др.), которые изучают собственные эпистемологические объекты: в значительной степени они сами создают предмет своего научного исследования, которое, по сути, представляет собой своего рода «научную рефлексию»¹.

Как нам представляется, юриспруденция также относится к формальным, а не к гуманитарным наукам, поскольку ее предметом выступают юридические конструкции, которые она же и продуцирует. Оговоримся, что речь идет именно о предмете научного изучения, а не о предмете правового регулирования. Так, предметом любой отрасли права

¹ Классификация наук // Философия : Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – Москва: Гардарики, 2004. – 1072 с.

является совокупность отношений, которая этой отраслью регулируется, что логично, поскольку право, по сути, представляет собой социальный регулятор и единственное, на что оно может воздействовать, – это поведение человека.

А вот предметом отраслевых юридических наук выступают сами отрасли права. Так, например, «система науки трудового права – это совокупность теоретических взглядов, суждений по проблемам правового регулирования общественных отношений в сфере труда»². Предметом же науки трудового права является само регулирование труда (российское, зарубежное, международно-правовое). Однако, как отмечают некоторые авторы, «его исследование только с помощью средств трудового права как юридической науки будет неполным. Необходимо применение также средств социологии труда, экономики труда, психологии труда и других наук...» [1, с. 60].

Методы

1. Теория права и юридическая догматика

Несколько особняком в данном случае стоит наука теории права, которой... нечего изучать, поскольку такой отрасли, как «право вообще», не существует. Теория права идентифицирует себя как «как один из видов юридической науки, представляющей совокупность знаний о наиболее общих закономерностях возникновения, развития и функционирования государства и права»³.

Уже из этого хрестоматийного определения видно, что предмет теории права возникает (создается) путем абстрагирования «наиболее общих» закономерностей правовой действительности. В этом смысле теория права представляет своего рода научную рефлексию по отношению к различным отраслевым юридическим наукам. В этом заключается ее особое значение в ряду юридического познания, которое сложно переоценить.

Вместе с тем теория права также является формальной наукой, которая изучает формальные, «сконструированные» системы с той разницей, что ее предмет представляет собой систему научных абстракций, производных от отраслевых наук или продуцируемых самой теорией права. В условиях жесткой методологической установки на разграничение «правового» и «неправового», которая была характерна для теории права советского периода («нормативный подход») она превращается в догму права.

В целом понятие «догма» (от греч. – мнение, решение, учение, постановление) означает доктрину или отдельные её положения, принимаемые за истинные без доказательства, опытного обоснования или практической проверки, а лишь на основе веры или подчинения авторитету⁴. Таким образом, изначально догма носит «антинаучный характер».

Легальное понимание догмы права в юридической науке несколько иное: еще С. А. Муромцев понимал под догмой права «систематическое изложение начал (принципов) действующего права какой-либо страны и какого-либо времени» [2, с. 8]. Сходным образом С. С. Алексеев рассматривал догму права как «наиболее точную формулировку многообразного поля смыслов, четкий ответ, даваемый “здесь и сейчас”» [3, с. 20].

В этом контексте догма права представляет собой, своего рода, «юридическую азбуку» – систему понятий, принципов, основных положений, выработанных консенсуальным путем в данном обществе и в данный исторический период. Такое понимание догмы права в значительной степени лишает ее изначально негативного и «антинаучного» содержания.

При этом, как отмечают и сами представители науки теории государства и права, «теоретическая наука по своей природе может иметь дело, по сути, только с идеальными объектами. Поэтому у любого понятия теории права есть все основания для существования и без представленности реальным объектом» [4, с. 15].

Вместе с тем тот же Сергей Андреевич Муромцев отмечал, что «догма права превратила “организм” права в простую логическую систему понятий и определений» [5, с. 35], поскольку была предоставлена «полному господству формально-логического приема» [5, с. 37].

² Колобова С. В., Сергеенко Ю. С. Трудовое право России : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юстицинформ, 2018. – 404 с.

³ Мелехин А. В. Теория государства и права : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Маркет ДС корпорейшн, 2009. – 546 с.

⁴ Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичёв [и др.]. – Москва: Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.

Интересно, что известная работа С. С. Алексеева, в которой рассматриваются данные вопросы называется «Право – Азбука, Теория, Философия». Теория права в данной цепочке занимает место между азбукой (догмой права) и философией права. Именно философия права позволяет избежать превращение догмы права как части научного познания в догму в ее изначальном семантическом значении.

Здесь нужно заметить, что некоторыми авторами предпринимаются попытки обоснования новой – конституционно-правовой догматики, исходя из логики формальной науки: «положения конституции трактуются как основные элементы системы права, подобно тому, как в формальных науках аксиомы рассматриваются в качестве основоположений, задающих главные черты формальной системы» [6, с. 4].

Подобный подход представляется нам весьма сомнительным, поскольку представляет собой попытку «извлечь» из текстуального содержания конституции то, что находится в ней не может. Вся аксиоматика юриспруденции не может вмещаться в тексте конституции. Здесь, скорее, следует согласиться с теми авторами, которые отмечают, что «конституционный прогресс России, не ограниченный чисто внешними, формально-организационными изменениями, а предполагающий выход страны на качественно иной уровень правовой культуры и практики, во многом связан с демифологизацией общественного (как и профессионального) правосознания, преодолением максималистских иллюзий формально-догматического подхода» [7, с. 131].

2. Философия права и возврат к человеку

Формально-догматический подход, который был характерен для юридической науки советского периода и отчасти оказался унаследован современной теорией права видит «опасность размывания предмета юридической науки за счет “неюридической” тематики. Поэтому актуализируется вопрос о критериях разграничения “юридических” и “неюридических” аспектов правовых исследований» [8, с. 21].

Философия права уже не является формальной наукой (многие ученые вообще считают ошибочным называть философию наукой), поскольку представляет собой «науку о праве в жизни людей, в человеческом бытии» [9, с. 2]. Философия права выводит юридическое познание за рамки формальной системы «правового» (догмы права) и устанавливает связь между сугубо правовыми понятиями и явлениями объективной действительности.

Для прояснения последнего тезиса можно привести следующий пример. Так, профессор В. В. Ершов выступил против юридической концептуализации категории «правовая определенность» (как и принципа правовой определенности), назвав ее «теоретически дискуссионной» и «практически контрпродуктивной». Валентин Валентинович полагает «теоретически обоснованным, а практически необходимым» использование понятия «определенность права» «как категории, “наиболее достоверной из всех”, объективно характеризующей качественное состояние права, а не других социальных явлений, в т. ч. позволяющей разграничить право и неправое» [10, с. 34].

И ведь действительно понятие «правовая определенность» не является «сугубо правовым» или юридическим: скорее оно соединяет правовое и неправовое, образует связь между юридической действительностью и «жизненным миром». Категория «правовая определенность» не просто является более широкой по отношению к понятию «определенность права», но и, безусловно, содержит в себе интенцию к выходу за рамки собственно позитивного права [11, с. 303]. Аналогичным образом «правовая безопасность» (Кого? Человека) не может быть сведена к понятию «безопасность права», хотя такие попытки и предпринимались в теории права [12].

Категория жизненного мира, введенная Гуссерлем, была призвана вырвать человека как познающего субъекта из системы научных абстракций, его подменяющих. Он полагал, что возврат к жизненному миру окажется продуктивным как в сфере гуманитарного, так и в сфере естественнонаучного познания. С этим можно спорить, однако, по нашему мнению, именно в юриспруденции возврат к жизненному миру видится не только востребованным, но и необходимым.

Современная юриспруденция (в особенности, теория права) если можно так выразиться, «бесчеловечна» в том смысле, что человек как субъект в ней отсутствует. Человек является неоперациональным концептом для юриспруденции. О человеке как таковом закон говорит только в том случае, когда он выступает объектом какого-либо действия, имеющего юридическое значение: «похищение человека», «трансплантация органов человека» и т. п.

«Человек» сам по себе как биологическое существо в правовой реальности отсутствует и получает юридическую концептуализацию как «лицо» или «субъект».

Юриспруденция в принципе не в состоянии оперировать понятиями реальной личности со всеми ее индивидуальными страстями и интересами, как математика не может охватить мир реальных явлений, где нет идеального круга, прямой или точки. Поэтому она так же, как и математика, создает свой концептуально-категориальный аппарат, посредством которого формирует собственную «картину мира»: появляется субъект права, субъективные права и обязанности, психические переживания замещаются понятиями умысла и т. п.

В рамках этой реальности нет места человеку как таковому: вместо него появляется субъект права – носитель абстрактных прав и обязанностей. Кстати, в данной реальности нет и «прав человека»: даже сам термин «права человека» характерен только для конституционного и, пожалуй, международного права – в текущем же отраслевом законодательстве, как правило, речь идет о правах собственника, работника, подозреваемого и т. п.

Поскольку человек объективно отсутствует в «реальности права» и замещается «лицом» или «субъектом», то и «права человека» не могут быть порождением этой юридической среды – для их возникновения необходим акт трансгрессии за пределы «реальности права». На наш взгляд, попытки такой трансгрессии сегодня можно заметить в науке конституционного права.

Результаты

Конституционное и государственное право

Общеизвестно, что наименование как отрасли, так и науки – «конституционное право» – прижилось в нашей стране в период перестройки, хотя и в советский период возможность такого наименования также обосновывалась. Но речь в данном случае идет не о терминах или словах, а о предмете как конституционного (государственного?) регулирования, так и научного исследования соответствующих явлений. Слова же «конституционное» и «государственное» выступают символическим отображением тех процессов, которые произошли при переходе к новому (современному) этапу развития конституционного права.

В этом смысле интересна статья Н. А. Бобровой с «говорящим» названием – «Конституционные и государственно-правовые отношения: одна или две отрасли права?» [13]. В ней автор анализирует различные научные позиции относительно соотношения конституционно-правовых и государственно-правовых отношений. Несмотря на то, что в итоге Наталья Алексеевна декларирует, что «конституционные и государственно-правовые отношения составляют двуединый предмет конституционного (государственного) права, как две стороны одной медали» [13, с. 24], из общего контекста ее рассуждений вырисовывается односторонний характер этой самой медали.

Фактически здесь обосновывается решительный и безоговорочный примат государственно-властных отношений в предмете конституционного права совершенно в духе «лассалевской» конституции (впрочем, автор и не скрывает симпатии к этому подходу). Судите сами: «Сущность конституции состоит не только и не столько в привлекательных принципах и даже не в правах личности (все это – демократический декор, хотя и важный для содержания конституции), сколько в устройстве, механизме власти» [13, с. 19].

Права человека не были изобретены в Конституции 1993 года⁵: если мы сравним ее положения с Конституцией СССР 1977 года⁶, то найдем там фактически тот же набор прав и свобод (за исключением положений, касающихся частной собственности и свободы экономической деятельности). В чем же тогда отличие этих основных законов? Да в самом подходе к конституционной концептуализации этих прав и свобод, обеспечению их конституционной действительности.

Конституция СССР 1977 года содержит позитивистскую модель такой концептуализации: в основном законе перечисляются некие «этикетки» или «наименования» прав и свобод, которые затем мудрый и справедливый законодатель воплощает в правовую реальность. Нам же остается поверить ему на слово и довольствоваться известной максимой “*Dura lex sed lex*”.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237 (первоначальный текст).

⁶ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) Доступ из информационно-правового портала «Гарант.ру» (далее – ИПП «Гарант.ру»): сетевое издание. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/1592893/> (дата обращения 20.12.2023). – Прекратила действие.

Согласно Конституции Российской Федерации 1993 года, права и свободы являются непосредственно действующими, т. е. гражданин может потребовать соблюдения его именно что конституционных прав, а не их проекций на отраслевое законодательство. Но сказать так мало – необходимо обеспечить адекватный механизм защиты таких прав. Собственно, создание сначала Комитета конституционного надзора СССР, а затем и Конституционного Суда и сделало юридической реальностью непосредственно конституционные (а не отраслевые) права и свободы.

Кстати, в этом смысле вызывает сомнения аргумент Н. А. Бобровой против признания конституционного правосудия характерным признаком конституционных отношений (в отличие от государственно-правовых) на том основании, что «граждане обращаются в Конституционный Суд РФ и конституционные (уставные) суды субъектов РФ за защитой прав самой разной отраслевой принадлежности» [13, с. 22]. Скорее уж граждане обращаются в этот Суд в связи с неконституционным характером норм различной отраслевой принадлежности, которые нарушают их конституционные права.

Более остро и тревожно звучат «практические» аргументы Натальи Алексеевны, связанные с тем, что властью «формируется программа идеологической обработки населения и вырабатываются ювелирные изменения избирательного, информационного и иного законодательства с целью недопущения к власти реальной (внесистемной) оппозиции» [13, с. 21]. Все так, но, во-первых, хотелось бы отметить, что социальный прогресс неостановим и охватывает в т. ч. и сферу права, что дает основания надеяться на утверждение демократических начал российского государственного и общественного устройства.

Во-вторых, любая наука оперирует «идеальными» моделями и образцами: нет, и не будет нигде полной реализации принципа разделения властей или полной независимости судебной власти, однако это не означает, что указанные модели должны отторгаться наукой конституционного права. Так и нарушение конституционных прав не означает их отсутствия.

Заключение

Подводя некий итог, можно отметить, что в настоящее время особое место конституционного права в системе юридического знания обусловлено, во-первых, таким феноменом, как конституционализм, который позволяет оценивать систему права не с позиции логики формально-догматических конструкций, а в корреляции с перспективным смыслом конституционных положений, причем этот смысл не может быть найден в тексте Конституции Российской Федерации, а только внесен извне путем активной познавательно-преобразовательной деятельности. «При этом и судебное толкование в целом, и собственно конституционная интерпретация отраслевого законодательства сходным образом, но с различными по значению следствиями нацелены на преодоление безосновной нормативности обеспечивающих правовое упорядочение законоположений за счет их смысловой интеграции с конституционными ценностями и принципами» [14, с. 11].

Во-вторых, особенностью конституционного права является включение в предмет правового регулирования прав человека, которые никогда не бывают столь же определенными в юридическом смысле как «отраслевые» права. Раскрытие содержания основных прав, закрепленных в Конституции Российской Федерации, невозможно путем простой дедукции или субзумпции: «отраслевые» права не следуют прямо из конституционных, а требуют иного, творческого осмысления. Реальная отраслевая модель реализации того или иного конституционного права всегда в чем-то «ущербна». Она всегда представляет собой многоугольник, вписанный в круг [15, с. 9].

После осознания самостоятельной реальности прав человека «пуповина» между ними и позитивным правом оказалась разорвана: вдруг выяснилось, что «математика права» не в силах преодолеть многообразие и сущностную неопределенность «жизненного мира». Единое конституционное пространство, прежде всего как пространство общепризнанных прав и свобод состоялось как демифологизация человека – возвращение от «персоны» к человеку [16, с. 47].

Отмеченные два вектора развития конституционного права, как представляется, выводят его из категории формальных наук: предмет науки конституционного права более не замыкается на системе правовых норм, регулирующих соответствующие общественные отношения. Для осознания конституционных процессов и явлений мало не только самого конституционного права как отрасли права, но и юриспруденции в целом. Кстати, поэтому именно в науке конституционного права наибольшее количество аллюзий к философии,

социологии, психологии и иным сферам гуманитарного знания. Конечно, иногда такие отсылки к иным сферам научного познания носят спекулятивный характер, но в целом это естественный путь развития конституционного права в современном мире.

Список литературы

1. Вишновецкая С. В. К вопросу о назначении методологии науки трудового права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 3 (21). – С. 58–64.
2. Муромцев С. А. Что такое догма права? / Сочинения. – Москва: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1885. – 35 с.
3. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия : Опыт комплексного исследования : монография. – Москва: Статут, 1999. – 709 с.
4. Тарасов Н. Н. К вопросу о предмете общей теории права и теоретических понятиях // Российский юридический журнал. – 2015. – № 6 (105). – С. 9–21.
5. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / вступ. статья, коммент. Ю. И. Гревцова. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – 223 с.
6. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Конституция как аксиоматическая система // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 5. – С. 3–8.
7. Джагарян А. А., Джагарян Н. В. Российский конституционализм: к обретению идеала // Журнал российского права. – 2013. – № 3 (195). – С. 131–141.
8. Кожевина М. А. Размышления о предметной определенности научных специальностей и формировании новых юридических наук // Российский юридический журнал. – 2021. – № 5 (140). – С. 18–24; https://doi.org/10.34076/20713797_2021_5_18.
9. Алексеев С. С. Философия права: история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. – Москва: Норма, 1997. – 329 с.
10. Ершов В. В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права» / Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики : материалы XII международной научно-практической конференции: в 3-х ч., 17–21 апреля 2017 г. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2018. – Ч. I. – С. 12–42.
11. Велиева Д. С., Пресняков М. В. Сущность принципа правовой определенности: в поисках конституционно-правового смысла // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – Т. 19, № 3. – С. 302–309.
12. Дрейшев Б. В. Правовая безопасность и проблемы ее обеспечения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 2 (221). – С. 11–19.
13. Боброва Н. А. Конституционные и государственно-правовые отношения: одна или две отрасли права? // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 36. – С. 16–29; <https://doi.org/10.17223/22253513/36/2>.
14. Крусс В. И. Конституционное правопонимание и практико-ориентирующая состоятельность современной теории права // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 11. – С. 5–12.
15. Пресняков М. В. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ее отраслевая интерпретация // Гражданин и право. – 2014. – № 11. – С. 3–14.
16. Пресняков М. В. Человек и его права как высшая ценность: о проблеме определенности человека в юридической картине мира / Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского, Москва, 15 апреля 2021 г. / под общ. ред. В. В. Строева, Д. А. Пашенцева, Н. М. Ладнушкиной. – Саратов: Саратовский источник, 2021. – С. 45–48.

References

1. Vishnovetskaya S. V. K voprosu o naznachenii metodologii nauki trudovogo prava // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki. – 2013. – № 3 (21). – S. 58–64.
2. Muromtsev S. A. Chto takoye dogma prava? / Sochineniya. – Moskva: Tipografiya A. I. Mamontova i K°, 1885. – 35 s.
3. Alekseyev S. S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya : Opyt kompleksnogo issledovaniya : monografiya. – Moskva: Statut, 1999. – 709 s.
4. Tarasov N. N. K voprosu o predmete obshchey teorii prava i teoreticheskikh ponyatiyakh // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2015. – № 6 (105). – S. 9–21.

5. *Muromtsev S. A.* Opredeleniye i osnovnoye razdeleniye prava / vstup. stat'ya, komment. Yu. I. Grevtsova. – 2-ye izd., dop. – Sankt-Peterburg: Izdatel'skiy dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004. – 223 s.
6. *Ogleznev V. V., Surovtsev V. A.* Konstitutsiya kak aksiomatischeeskaya sistema // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2015. – № 5. – S. 3–8.
7. *Dzhagaryan A. A., Dzhagaryan N. V.* Rossiyskiy konstitutsionalizm: k obretniyu ideala // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2013. – № 3 (195). – S. 131–141.
8. *Kozhevina M. A.* Razmyshleniya o predmetnoy opredelennosti nauchnykh spetsial'nostey i formirovaniy novykh yuridicheskikh nauk // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2021. – № 5 (140). – S. 18–24; https://doi.org/10.34076/20713797_2021_5_18.
9. *Alekseyev S. S.* Filosofiya prava: istoriya i sovremennost'. Problemy. Tendentsii. Perspektivy. – Moskva: Norma, 1997. – 329 s.
10. *Yershov V. V.* Parnyye kategorii «opredelennost' prava» i «neopredelennost' prava» / Opredelennost' i neopredelennost' prava kak parnyye kategorii: problemy teorii i praktiki : materialy XII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 3-kh ch., 17–21 aprelya 2017 g. – Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet pravosudiya, 2018. – Ch. I. – S. 12–42.
11. *Veliyeva D. S., Presnyakov M. V.* Sushchnost' printsipa pravovoy opredelennosti: v poiskakh konstitutsionno-pravovogo smysla // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo. – 2019. – T. 19, № 3. – S. 302–309.
12. *Dreyshev B. V.* Pravovaya bezopasnost' i problemy yeye obespecheniya // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. – 1998. – № 2 (221). – S. 11–19.
13. *Bobrova N. A.* Konstitutsionnyye i gosudarstvenno-pravovyye otnosheniya: odna ili dve otrasli prava? // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2020. – № 36. – S. 16–29; <https://doi.org/10.17223/22253513/36/2>.
14. *Kruss V. I.* Konstitutsionnoye pravoponimaniye i praktiko-oriyentiruyushchaya sostoyatel'nost' sovremennoy teorii prava // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2018. – № 11. – S. 5–12.
15. *Presnyakov M. V.* Pryamoye deystviye Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i yeye otraslevaya interpretatsiya // Grazhdanin i pravo. – 2014. – № 11. – S. 3–14.
16. *Presnyakov M. V.* Chelovek i yego prava kak vysshaya tsennost': o probleme opredelennosti cheloveka v yuridicheskoy kartine mira / Pravo i prava cheloveka v sovremennoy mire: tendentsii, riski, perspektivy razvitiya : materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora F. M. Rudinskogo, Moskva, 15 aprelya 2021 g. / pod obshch. red. V. V. Stroyeva, D. A. Pashentseva, N. M. Ladnushkinoy. – Saratov: Saratovskiy istochnik, 2021. – S. 45–48.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024; одобрена после рецензирования 05.08.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted May 5, 2024; approved after reviewing August 5, 2024; accepted for publication September 5, 2024.